

Дайджест по корпоративному праву и М&А

● 30 НОЯБРЯ – 29 ЯНВАРЯ 2026 ГОДА

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Новый порядок расчета действительной стоимости доли в ООО вступил в силу 28 декабря 2025 г.

28 декабря 2025 г. вступил в силу Федеральный закон № 514-ФЗ, вносящий поправки в Закон об ООО в части порядка определения действительной стоимости доли («ДСД») участника в случае его выхода или исключения из общества.

По умолчанию, как и ранее, действует следующий порядок: участнику выплачивается ДСД, соответствующая части стоимости чистых активов ООО, пропорциональной размеру доли участника. Чистые активы ООО определяются по данным бухгалтерской отчетности за последний применимый отчетный период.

Принятые поправки позволяют в случае несогласия с таким расчетом ДСД рассчитывать стоимость чистых активов исходя из разницы между рыночной стоимостью активов и обязательств общества. Заявление может быть сделано участником или обществом до истечения срока выплаты ДСД.

Рыночная стоимость активов общества и его обязательств определяется оценщиком, привлеченным обществом или участником, при этом уставом может быть предусмотрен иной порядок привлечения оценщика. Оценка проводится по состоянию на дату перехода доли к обществу, если иная дата не согласована участником и обществом.

Поправки также позволяют предусмотреть в уставе порядок определения ДСД исходя из рыночной стоимости доли. Соответствующие положения могут быть включены в устав при учреждении общества или внесены по единогласному решению участников. Исключение указанных положений из устава осуществляется по решению общего собрания участников, принятому большинством в две трети голосов от общего числа голосов участников.

Изменения направлены на уменьшение количества споров о достоверности балансовой стоимости активов и позволяют участникам на уровне устава гибко настраивать механизмы выхода из бизнеса на более рыночных условиях.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

- 2. Соглашение о намерениях не налагает юридических обязательств на его стороны. Косвенно можно сделать вывод, что осведомленность покупателя о нарушении негативного обязательства продавца может быть основанием отказа в иске покупателя о взыскании убытков за нарушение такого обязательства. Подтверждение покупателя об осведомленности о финансовом состоянии приобретаемого общества может ограничивать права покупателя в рамках судебного разбирательства**

Истцы (покупатели) обратились в суд с иском к ответчику (продавцу) о взыскании убытков в размере дивидендов, выплаченных обществом ответчику в нарушение соглашения о намерениях.

В августе 2021 года между ответчиком и одним из истцов было заключено соглашение о намерениях, в соответствии с которым ответчик принял на себя обязательство заключить в будущем договор купли-продажи 100% доли в уставном капитале общества с истцом-контрагентом и иным указанным им лицом. На момент заключения соглашения ответчик владел 100% доли в уставном капитале общества.

По условиям соглашения:

- истец-контрагент вносит в пользу ответчика аванс в размере 50 000 000 рублей в счет покупной цены по будущему договору купли-продажи;
- стороны определили оценочную стоимость 100% доли в уставном капитале общества в размере 500 000 000 рублей, согласившись при этом, что при заключении договора купли-продажи покупная цена может быть изменена по соглашению сторон; и
- после поступления аванса на расчетный счет ответчика, ответчик обязуется приостановить выплату обществом дивидендов до заключения договора купли-продажи 100% доли в уставном капитале общества.

Аванс был выплачен истцом и зачислен на расчетный счет ответчика 4 августа 2021 года.

В декабре 2021 года и январе 2022 года между ответчиком и истцами были заключены договоры купли-продажи в совокупности 100% доли в уставном капитале общества (покупная цена по двум договорам совокупно составила 347 000 000 рублей). В рамках договоров покупатели подтвердили, что ознакомлены с финансовыми документами общества и не имеют претензий к продавцу относительно комплектности предоставленных документов и информации.

После получения аванса ответчик (в качестве единственного участника общества) принял несколько решений о выплате в свою пользу дивидендов из нераспределенной прибыли общества за период 2020–2021 годов на общую сумму более 317 000 000 рублей. Указанные решения были частично исполнены, ответчику были выплачены распределенные дивиденды в размере 95 500 000 рублей.

В апреле 2022 года между ответчиком и истцами был заключен договор уступки права требования, в соответствии с которым право ответчика требовать выплаты дивидендов в размере 200 000 000 рублей было уступлено истцам. Договором уступки было предусмотрено, что денежная сумма за переданное покупателям право требования включается в стоимость долей по договорам купли-продажи.

В марте 2025 года было принято решение общего собрания участников общества об отмене ранее принятого решения о распределении прибыли и выплате дивидендов. Истцы обратились с иском к ответчику, указав, что действиями ответчика были нарушены обязательства о приостановлении выплаты дивидендов, предусмотренные соглашением о намерениях, рыночная стоимость доли в уставном капитале общества уменьшилась, и тем самым истцам причинены убытки в размере фактически выплаченных дивидендов.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования истцов, указав, что:

- соглашение о намерениях не может быть признано предварительным договором (в том числе ввиду отсутствия нотариального удостоверения), и, соответственно, не налагает юридических обязательств на его стороны;
- снижение рыночной стоимости доли ввиду выплаты обществом дивидендов не имеет значения для рассмотрения спора, поскольку, заключая договоры купли-продажи, стороны были свободны в определении покупной цены; и
- выплата дивидендов осуществлялась в безналичном порядке, в связи с чем информация о таких платежах не могла быть скрыта от покупателей. Покупатели в рамках договоров купли-продажи подтвердили свою осведомленность о финансовом состоянии общества.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения.

Суд отметил, что в силу решения единственного участника общества между ответчиком (как участником общества) и самим обществом возникло самостоятельное имущественное обязательство о выплате дивидендов. Прекращение такого обязательства возможно лишь путем его исполнения либо по иным законодательно предусмотренным основаниям, к числу которых не относится возможная отмена решения о распределении прибыли.

Доля в уставном капитале общества обладает определенной имущественной ценностью, обусловленной ее размером и стоимостью активов общества. При приобретении доли лицо, действующее разумно и добросовестно, имеет право и обязано проявить заинтересованность относительно имущественного состояния общества. В материалах дела отсутствуют доказательства того, что истцы, действуя разумно и добросовестно, были лишены возможности до заключения договора оценить имущественную ценность приобретаемых долей.

Суд кассационной инстанции поддержал выводы судов первой и апелляционной инстанций. Суд отметил, что уступленное право требования причитающихся ответчику дивидендов частично уступлено ответчиком в пользу истцов и, по соглашению сторон, денежная сумма за переданное право требования входит в стоимость доли по договорам купли-продажи. К моменту заключения договоров купли-продажи истцы должны были знать о выплате ответчику дивидендов, на что согласились, исходя из снижения фактически согласованной стоимости доли по сравнению с ценой, изначально определенной сторонами в соглашении о намерениях. Помимо этого, факт осведомленности покупателей о финансовом состоянии дел общества закреплён сторонами в самих договорах купли-продажи.

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

i. Важность выбора договорной конструкции, подходящей для структуры сделки

Приведенное дело иллюстрирует важность выбора подходящей для сделки договорной конструкции (с соблюдением законодательно установленных форм таких договоров). В частности, суд первой инстанции признал, что соглашение о намерениях не налагает на стороны юридических обязательств, аргументировав это, в том числе, несоблюдением требований к форме заключения предварительного договора. Между тем, если сторонами заключен договор, поименованный ими как предварительный, в соответствии с которым они обязуются заключить в будущем основной договор о продаже имущества, но при этом предварительный договор устанавливает обязанность приобретателя имущества до заключения основного договора уплатить цену имущества или существенную ее часть, такой договор следует квалифицировать как договор купли-продажи с условием о предварительной оплате. Правила статьи 429 ГК РФ к такому договору не применяются¹.

Соответственно, даже если бы стороны назвали заключенное соглашение о намерениях предварительным договором, данная конструкция не соответствует структуре сделки, предусмотренной сторонами (уплата аванса в счет покупной цены). Более подходящей конструкцией для рассматриваемой структуры представляется заключение «рамочного» соглашения и отдельного «распорядительного» договора купли-продажи для передачи доли (пункт 11 статьи 21 Закона об ООО). В таком случае в рамочное соглашение можно было бы включить условие о порядке уплаты покупной цены за доли и обязательство продавца обеспечить, что общество не будет принимать решение и осуществлять распределение прибыли и выплату дивидендов.

¹ Пункт 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

ii. Применение критерия знания покупателя к ситуации нарушения обязательства продавцом

Примечательна также позиция судов в отношении учета критерия знания покупателей о распределении обществом дивидендов в пользу продавца. Даже признав обязательство невозникшим (из-за отсутствия обязывающей силы соглашения о намерениях), суды привели аргументацию о том, что покупатель, действуя разумно и добросовестно, должен был ознакомиться с деятельностью общества и оценить влияние решений о выплате дивидендов на стоимость приобретаемой доли (и имел возможность принять решение не заключать договор купли-продажи).

В указанном деле в соглашении о намерениях было закреплено негативное обязательство воздерживаться от распределения дивидендов в пользу продавца до момента заключения договора купли-продажи доли. При этом критерий осведомленности покупателя в отношении определенных фактов / обстоятельств по договору купли-продажи должен лишать покупателя только права на взыскание убытков в связи с недостоверностью заверений или несоответствием товара определенным характеристикам качества, однако суд применил указанный критерий в отношении возможности взыскания убытков за нарушение негативного обязательства.

3. Неисполнение покупателем обязанности о привлечении продавца к участию в разрешении спора, являющейся условием для возмещения убытков, служит основанием для отказа в удовлетворении требования о возмещении таких убытков

Истец (покупатель) обратился с иском к ответчику (продавцу) с требованием о взыскании убытков, причиненных предоставлением ответчиком недостоверных заверений в отношении предмета договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО.

9 августа 2022 года стороны заключили договор купли-продажи 100% доли, после чего в ООО произошла смена генерального директора. Договором были предусмотрены заверения об обстоятельствах ответчика, в частности, о том, что на момент заключения договора у ООО, за исключением оговоренных случаев, отсутствовали неисполненные обязательства перед третьими лицами, возникшие до даты договора.

Договором также предусмотрено, что в течение трех лет с момента его заключения в случае возникновения претензий или требований к ООО, а также выявления неисполненных обязательств перед третьими лицами, возникших до заключения договора (за исключением специально оговоренных случаев), истец обязуется привлекать ответчика к участию во всех этапах разрешения споров, включая переговоры, претензионную переписку и судебные разбирательства.

При условии исполнения истцом требования о привлечении ответчика к участию в судебном разбирательстве ответчик принимает на себя ответственность и обязуется возместить покупателю и (или) ООО реальный ущерб, связанный с осуществлением ООО своей деятельности, в срок не позднее пяти рабочих дней с даты получения от истца соответствующего требования.

После заключения договора к ООО от третьего лица поступила претензия и ряд последовавших за ней платежных требований по договору, заключенному с этим третьим лицом до 9 августа 2022 года. Основанием для выставления требований стали результаты отбора проб воды, произведенного 4 июля 2022 года на территории ООО в соответствии с договором, заключенным с третьим лицом.

Письма с сообщением о выявлении неисполненных обязательств в каждом случае были направлены истцом ответчику уже после произведения оплаты в пользу третьего лица в соответствии с платежными требованиями. В одном из писем истец сообщил ответчику, что причина совершения платежей состоит в минимизации негативных последствий перед третьим лицом.

По мнению истца, расходы ООО были вынужденными и обусловлены предоставлением ответчиком недостоверных заверений, а именно сокрытием информации о наличии у ООО неисполненных обязательств перед третьим лицом, возникших в результате отбора проб.

Суд первой инстанции посчитал, что доказательств, подтверждающих наличие у истца убытков, а также доказательств, обосновывающих размер этих убытков, истцом не представлено.

Кроме того, как следует из материалов дела, истец в нарушение условий, содержащихся в договоре, своевременно не привлек ответчика к участию в переговорах, претензионной переписке и рассмотрению соответствующих дел в судах.

Также суд отметил, что в соответствии с условиями договора ответчик не несет обязанностей по оплате и (или) возмещению истцу или ООО каких-либо убытков и (или) имущественных потерь, причиненных действиями (включая совершенные сделки) и (или) бездействиями нового единоличного исполнительного органа ООО.

Суды апелляционной и кассационной инстанции отклонили апелляционную и кассационную жалобы истца, оставив решение суда первой инстанции без изменений.

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

Один из основных вопросов в центре внимания суда в рассматриваемом деле – соблюдены ли покупателем договорные положения об условиях предъявления требований по договору, в том числе по заверениям? В анализируемом деле в договор купли-продажи были включены положения, которые регулировали порядок ведения разбирательств приобретаемой компанией с третьими лицами (если исход таких разбирательств может стать основанием для иска о взыскании убытков / имущественных потерь покупателя с продавца). Такие положения, направленные на ограничение ответственности продавца в сделках M&A, более широко известны в англо-правовых договорах как *Conduct of Claims*.

Стороны согласовали в договоре, что условием для возмещения продавцом убытков в случае выявления неисполненных обязательств перед третьими лицами, отсутствие которых было прогарантировано продавцом, является привлечение продавца к участию во всех этапах разрешения споров с такими третьими лицами.

Указанное дело последовательно вписывается в формирующуюся судебную практику по ограничению ответственности сторон за недостоверность предоставленных заверений.

Так, в числе первых «громких» дел, которые затрагивали вопрос влияния соблюдения положений с механизмом *Conduct of Claims* на иск покупателя к продавцу, было т.н. дело «Трастфорекс»²: суд высказал правовую позицию о том, что неуведомление предоставившего заверение лица о претензиях и непривлечение его в процесс может служить основанием для снижения его ответственности аналогично механизму, предусмотренному в статье 462 ГК РФ.

В рассматриваемом деле суд встал на сторону продавца, поскольку предусмотренный сторонами в договоре обусловленный порядок возмещения убытков покупателем не был соблюден. Однако, представляется, что в указанном деле суд недостаточно внимания придает аргументу покупателя о том, что платежное требование третьего лица было удовлетворено покупателем до привлечения продавца в процесс с целью минимизации негативных последствий перед третьим лицом. Из этой немногословной формулировки судебного решения можно предположить, что истец имел в виду митигирующий характер своих действий, то есть направленный на уменьшение размера понесенных убытков. В таком случае интересны были бы рассуждения суда в отношении пункта 1 статьи 404 ГК РФ, в соответствии с которой суд вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности способствовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, либо не предпринял разумных мер для их уменьшения.

Также интересно, как бы суд оценил ситуацию, если бы в договоре, помимо обязанности привлекать продавца к судебному разбирательству, стороны прямо прописали дополнительную обязанность о митигации убытков друг друга в случае нарушения условий договора.

Обращает на себя внимание и то, что покупатель, кажется, мог попытаться отстоять позицию, согласно которой, несмотря на нарушение им предусмотренной договором процедуры, продавец не должен быть освобожден от ответственности в полном объеме, а, скорее, необходимо установить, могло ли привлечение продавца к урегулированию претензии снизить размер подлежащих уплате обществом платежей и, соответственно, убытков покупателя. Однако, судя по всему, покупатель по какой-то причине такие аргументы даже не выдвигал, и они не получили правовой оценки со стороны судов.

4. Неисполнение обязанности участника ООО по оплате доли в уставном капитале не влечет автоматического перехода доли к обществу при условии реального вклада такого участника в деятельность общества и длительного отсутствия претензий со стороны других участников

Истец (бывший участник ООО) обратился с иском к ответчику (ООО) с требованиями о:

- признании недействительным решения действующего участника ООО о переходе доли в размере 65%, принадлежащей истцу, в пользу ООО;

2 См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, а также более подробный разбор т.н. дела «Трастфорекс» в комплексном [исследовании](#) ККМП правоприменительной практики по заверениям.

- признании незаконными действий действующего участника по отчуждению от имени ООО перешедшей к ООО доли истца в пользу (i) действующего участника (в размере 15%) и (ii) третьего лица (в размере 50%), которое в результате такого отчуждения стало новым участником ООО; и
- возвращении в собственность истца доли в размере 65%.

К участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, были привлечены действующий и новый участники ООО, а также ФНС.

ООО было создано 13 мая 2021 года по решению истца и действующего участника. На момент создания ООО истцу принадлежала доля в уставном капитале в размере 65%, а действующему участнику – в размере 35%. Срок оплаты долей был установлен решением об учреждении ООО и составлял 4 месяца с момента государственной регистрации ООО.

Согласно доводам истца, доля была оплачена им наличными денежными средствами путем передачи действующему участнику при регистрации ООО. Действующий участник, ссылаясь на факт невнесения истцом оплаты за долю в установленный решением общего собрания срок, 7 февраля 2023 года принял оспариваемое решение, которое стало основанием для внесения регистрирующим органом записи в ЕГРЮЛ о переходе доли истца к ООО. В последующем на основании решения действующего участника спорная доля была продана действующему и новому участникам, о чем в ЕГРЮЛ также были внесены соответствующие записи.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, обратив внимание на следующие обстоятельства. На протяжении почти двух лет действующий участник не имел претензий к истцу по поводу неоплаты доли, а истец, в свою очередь, активно участвовал в продвижении работы ООО, вел переговоры с клиентами, согласовывал стратегии развития компании. Также на момент принятия спорного решения истец и действующий участник находились в корпоративном конфликте, в связи с чем суд критически отнесся к доказательствам за подписью главного бухгалтера и директора ООО, поскольку эти должности в обоих случаях занимал действующий участник.

Несмотря на то, что по закону не допускается освобождение учредителя ООО от обязанности оплатить долю в уставном капитале ООО, суд с опорой на вышеуказанные факты усмотрел в действиях действующего участника признаки недобросовестности. Также суд отметил, что само по себе отсутствие у участника первичных документов, которые могли бы свидетельствовать об оплате его доли, не может свидетельствовать об отсутствии либо прекращении у истца статуса участника ООО.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции. По мнению суда, буквальное толкование пункта 3 статьи 16 и подпункта 3 пункта 7 статьи 23 Закона об ООО приводит к выводу, что переход доли к обществу в случае ее неоплаты происходит автоматически.

Решения о прекращении участия истца в ООО и перераспределении его доли были приняты в пределах общего срока исковой давности с даты возникновения оснований для перераспределения неоплаченной доли в уставном капитале ООО.

То обстоятельство, что ООО в установленный законом срок не представило в регистрирующий орган документы для государственной регистрации изменений, связанных с переходом доли к ООО, не может быть расценено, как свидетельствующее о сохранении у истца статуса участника ООО, так как государственная регистрация таких изменений имеет значение для третьих лиц и не распространяется на внутрикорпоративные отношения.

По мнению суда апелляционной инстанции, в рамках дела истец, требующий восстановления корпоративного контроля, не доказал, что такой контроль был утрачен им помимо его воли и без должных к тому оснований. Поскольку участие в коммерческой организации является разновидностью предпринимательской деятельности, которая носит рисковый характер, негативные последствия невыполнения принятых на себя обязательств по оплате доли в уставном капитале хозяйственного общества несет учредитель, лишаясь статуса участника общества.

Однако суд кассационной инстанции с этими выводами не согласился.

Суд отменил решения судов нижестоящих инстанций и отметил, что при разрешении корпоративных споров необходимо учитывать, что ООО представляет собой объединение капиталов, вложенных его участниками в деятельность общества с расчетом на извлечение прибыли от ведения общего дела. Ключевым признаком указанного типа хозяйственных обществ как разновидности товарищества является значимость лиц, входящих в состав товарищества (*intuitus personae*) и обладающих правом на участие в управлении обществом.

В этой связи правильным суд кассационной инстанции посчитал вывод суда первой инстанции о реальном характере партнерских отношений истца и действующего участника, ведении общего бизнеса с привлечением профессиональных навыков и связей истца, который воспринимался действующим участником полноправным участником ООО с контролирующей долей в размере 65%.

Правильным суд кассационной инстанции также посчитал вывод суда первой инстанции о наличии признаков недобросовестности в поведении действующего участника, приняв в расчет длительное непредъявление действующим участником требования к истцу в связи с неоплатой доли и нахождение сторон в корпоративном конфликте. При таких обстоятельствах у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для отмены в указанной части решения суда первой инстанции по приводимым ответчиком формальным возражениям.

По мнению суда, даже в случае действительного отсутствия доказательств оплаты с целью обеспечения сохранения товарищества предложение о приобретении спорной доли должно было быть направлено в первую очередь истцу – лицу, приложившему свои усилия для достижения финансовых результатов общества за прошедшие полтора года его деятельности.

Соглашаясь с произведенной судом первой инстанции оценкой доказательств, суд кассационной инстанции также отметил, что требование истца по своей природе является иском о восстановлении корпоративного контроля. Удовлетворение такого иска непосредственно затрагивало имущественные права и интересы действующего и нового участников ООО. Определяя процессуальный статус указанных лиц, суд первой инстанции ошибочно отнес их к третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, а не к ответчикам по иску.

С учетом установленных судом первой инстанции обстоятельств дальнейшего отчуждения ООО доли судебный акт о возложении на ООО обязанности по возврату в собственность истца доли является либо неисполнимым, либо повлечет за собой возникновение других споров.

Судья Верховного Суда РФ отказал в передаче кассационной жалобы ответчика для рассмотрения в судебном заседании СКЭС Верховного Суда РФ.

При новом рассмотрении дела с дополнительным участием действующего и нового участников ООО в качестве соответчиков суд первой инстанции удовлетворил требования истца, полностью восприняв в своем решении аргументацию суда кассационной инстанции при первом рассмотрении дела. Вышестоящие инстанции также поддержали эту позицию.

Постановление Арбитражного суда Уральского округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

i. Необходимость учета основополагающих принципов корпоративного права в противовес строгому и механическому применению норм закона

В центре рассматриваемого дела – спор между участниками ООО, возникший в связи с неоплатой доли в уставном капитале. При первом рассмотрении дела суды первой и апелляционной инстанций придерживались противоположных точек зрения относительно последствий неоплаты доли. Так, суд первой инстанции, делая акцент на фактических обстоятельствах (долгосрочном отсутствии претензий со стороны действующего участника, активном участии истца в деятельности ООО и корпоративном конфликте сторон) пришел к выводу о недобросовестности действий действующего участника и сохранении статуса истца как участника. Апелляционная инстанция, напротив, руководствовалась буквальным толкованием Закона об ООО, утверждая, что переход доли к обществу в случае неоплаты является автоматическим и не зависит от каких-либо иных факторов. Этот подход, хотя и формально верный, упускает важность принципа добросовестности и самой сущности ООО как объединения лиц, при котором личности участников имеют значение для осуществления ими совместной деятельности.

Действительно, Закон об ООО устанавливает четкий механизм перехода доли к обществу в случае ее неоплаты, однако суды подчеркивают, что рассматривать этот механизм в отрыве от сущности ООО как коммерческой организации особого типа – ошибочно. Отмечается, что ООО является организационно-правовой формой объединения лиц с общими целями, взаимным доверием и стремлением к совместному ведению бизнеса. Этот основополагающий признак в теории корпоративного права носит название *intuitas personae*. Он, хотя прямо не закреплен в законодательстве, все же находит свое отражение в ряде норм, регулирующих деятельность ООО.

В указанном деле суд первой инстанции (при поддержке суда кассационной инстанции) обоснованно обратил внимание на активное участие истца в деятельности ООО на протяжении длительного периода времени, уже после истечения установленного срока оплаты доли. Это участие не было пассивным: истец вел переговоры с клиентами, согласовывал стратегии развития, демонстрируя свою вовлеченность в общее дело. Игнорирование этого факта судом апелляционной инстанции привело к обесцениванию реального вклада истца в развитие компании.

Более того, длительное молчание действующего участника и отсутствие претензий свидетельствуют о его фактическом признании истца полноправным участником ООО, несмотря на формальную неоплату доли.

В любом случае дело подчеркивает важность документального подтверждения оплаты доли и сохранения соответствующих документов в течение всего периода владения долей (особенно если речь идет о наличной оплате). Отсутствие таковых порождает для участника титульные риски в отношении доли.

ii. Последствия ошибочного определения процессуального статуса участников судебного разбирательства

Следует также отметить важность правовой позиции, сформулированной судом кассационной инстанции относительно процессуального статуса действующего и нового участников ООО. Изначальное привлечение их в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, было ошибочным, поскольку удовлетворение иска истца напрямую затрагивало их имущественные права. Это подчеркивает необходимость правильного определения процессуальных статусов сторон в корпоративных спорах, чтобы обеспечить полноту исследования обстоятельств дела и защиту прав всех заинтересованных лиц.

Учитывая характер заявленных истцом требований (восстановление корпоративного контроля), суд кассационной инстанции справедливо отметил, что удовлетворение иска непосредственно затрагивает имущественные права и интересы действующего и нового участников, а акт о возложении на общество обязанности по возврату в собственность истца доли является либо неисполнимым, либо повлечет за собой возникновение других споров.

5. Урегулированное в договоре обязательство по возмещению имущественных потерь может свидетельствовать об осведомленности получателя заверений об их недостоверности. Как в случае с убытками, так и с имущественными потерями истец должен доказать суммы понесенных убытков (потерь) и их причинно-следственную связь с основаниями, установленными в договоре

Истец (покупатель) обратился в суд с иском к ответчику (продавцу) о взыскании убытков, причиненных недостоверностью заверений об обстоятельствах, предоставленных в рамках договора купли-продажи 60% доли в уставном капитале общества, в размере предоплаты, внесенной пациентами (клиентами общества) за оказание платных медицинских услуг.

Между истцом и ответчиком был заключен договор купли-продажи 60% доли в уставном капитале общества, в соответствии с которым:

- продавец гарантировал, что на дату заключения договора у общества отсутствует задолженность перед третьими лицами;
- в случае обнаружения задолженности общества перед третьими лицами продавец обязался исполнить соответствующие обязательства за свой счет; и
- в случае обращения пациента, внесшего предоплату за оказание медицинских услуг, если такие услуги не были оказаны пациенту до даты договора, продавец обязался возместить соответствующему пациенту внесенную предоплату или оказать предоплаченные услуги «своими силами и за свой счет».

По мнению истца, ответчик в рамках договора предоставил недостоверные заверения и тем самым ввел истца в заблуждение, т.к. после исполнения договора купли-продажи выяснилось наличие внесенной пациентами предоплаты за оказание медицинских услуг, которые не были оказаны пациентам до заключения договора купли-продажи.

Ответчик утверждал, что является учредителем нескольких организаций, оказывающих аналогичные медицинские услуги, соответственно, может обеспечить оказание пациентам предоплаченных услуг «своими силами и за свой счет».

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования истца на основании следующего:

- сама по себе фиксация механизма оказания предоплаченных услуг в договоре свидетельствует о том, что истец до заключения договора знал о наличии предоплаченных, но не оказанных услуг;
- при предоставлении заверений продавец указал, что размер имущественных потерь (убытков) оценивается, как равный совокупности сумм любой обнаруженной задолженности, а также суммам внесенной пациентами предоплаты за неоказанные услуги, которые ответчик обязуется оказать или компенсировать за свой счет. Соответственно, размер заявленного требования не соответствует сумме, обязательной к оплате пациентам со стороны общества. Сумма будущих возвратов пациентам их авансов или оказание услуг на эту сумму, может быть квалифицирована судом в качестве имущественных потерь истца, которые могут возникнуть в будущем. Заявленные истцом требования суд квалифицировал как требования о возмещении имущественных потерь, право на возмещение которых предусмотрено в заверениях об обстоятельствах;
- условия для возмещения потерь истца ответчиком в соответствии с заверениями об обстоятельствах не наступили, факт понесенных истцом имущественных потерь во взаимосвязи с заверениями об обстоятельствах не подтвержден материалами дела.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения.

Суд отметил, что истец не только не представил доказательств несения соответствующих потерь или неизбежности их несения в будущем, но и не доказал причинную связь между данными событиями, оговоренными сторонами в договоре купли-продажи, и наступлением требуемых ко взысканию имущественных потерь.

Суд кассационной инстанции оставил решения судов нижестоящих инстанций без изменения, кассационную жалобу – без удовлетворения.

Суд отклонил ссылку истца на неверную квалификацию заявленных требований, применение сторонами механизма заверений об обстоятельствах позволяет одной из сторон сделки взять на себя особую ответственность за предоставление информации другой стороне и тем самым в том числе распределить риски наступления нежелательных имущественных последствий между сторонами, в том числе в отношении оснований (причин) возникновения обстоятельства, которое способно проявиться в будущем и в таком случае может стать причиной имущественных потерь лица, полагавшегося на заверения.

Поскольку сторонами согласовано условие, в соответствии с которым продавец обязался возместить имущественные потери покупателя, возникшие в случае наступления определенных в таком договоре купли-продажи обстоятельств, ссылка на недоверие заверений обоснованно не принята судами.

Постановление Арбитражного суда Московского округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

Данное дело в очередной раз подтверждает наличие сложностей в разграничении институтов возмещения имущественных потерь и заверений об обстоятельствах в российской судебной практике.

Перед судами встало два принципиальных вопроса: (i) возможно ли квалифицировать обязательство продавца по исполнению обязательств продаваемого общества в пользу третьих лиц «за свой счет» в качестве обязательства по возмещению имущественных потерь; и (ii) может ли быть удовлетворено требование о возмещении имущественных потерь, если само основание для возмещения не привело к реальному уменьшению имущества истца на дату заявления требования.

Исходя из позиций судов по данному делу, можно сделать два практических вывода: (i) наличие в договоре детального порядка расчета убытков по недостоверным заверениям (в том числе, если договор устанавливает необходимость или возможность совершения определенных дополнительных действий сторон при выявлении такой недостоверности) может быть интерпретировано судом как осведомленность покупателя о риске, что лишает его защиты в рамках статьи 431.2 ГК РФ и влечет переквалификацию соответствующих заверений об обстоятельствах в обязательство по возмещению имущественных потерь; и (ii) требование о возмещении потерь не может быть заявлено без доказательств того, что потери уже фактически понесены истцом или их несение в конкретном размере неизбежно в будущем.

Кроме того, в деле косвенно затрагивается до сих пор окончательно не разрешенный вопрос о возможности возмещения имущественных потерь, вызванных представлением недостоверных заверений об обстоятельствах. Позиции судов в данном случае, по сути, исходят из несовместимости данных инструментов и тем самым, скорее, добавляют аргументов против такой возможности.

Мы будем рады ответить на ваши вопросы по данной тематике

Валериан Мамагешвили

Старший юрист

Valerian.Mamagishvili@kkmp.legal

Виктория Бигарова

Юрист

Victoria.Bigarova@kkmp.legal

Александра Черных

Юрист

Alexandra.Chernykh@kkmp.legal